

Шэнь Чжися переехал в субботу. Утреннее солнце едва успело перевалить за перила балкона, когда раздался дверной звонок. Стоило мне открыть, как на пороге показался он сам, окруженный грудой больших картонных коробок. Лицо его было перепачкано краской — вылитый кот, который только что выбрался из палитры.

— Прости, вещей оказалось многовато, — он почесал затылок и протянул мне небольшую коробку, лежавшую сверху. — Это тебе. Обещал написать рассвет на Сиху, вчера как раз закончил оформлять.

Внутри оказалась небольшая картина маслом. На ней был изображен именно тот рассвет, который мы когда-то наблюдали с горы Баошишань. Золотистые блики на воде переданы мягкими цветовыми переходами, а слои утреннего тумана выписаны настолько четко, что казались почти осязаемыми. Я бережно держал картину, касаясь пальцами деревянной рамы, и внезапно почувствовал, как внутри все наполняется теплом.

— Ты правда запомнил?

— Если что-то пообещал, нужно обязательно сдержать слово, — он улыбнулся и принялся заносить остальные коробки в квартиру. В его голосе слышалось воодушевление. — В гостевой я сам все разберу. Занимайся своими делами, не беспокойся обо мне.

Я хотел было помочь, но он мягко подтолкнул меня в сторону гостиной. Через щель в приоткрытой двери было видно, как он, присев на корточки, аккуратно расставляет тюбики с краской по цветам. Мольберт он установил у самого балкона, как раз в сторону озера Сиху. Солнечный свет падал на него, окрашивая профиль в теплый золотистый оттенок. Даже то, как он сосредоточенно наводил порядок среди своих инструментов, напоминало тихую, умиротворяющую картину.

Когда я заварил кофе и принес его в комнату, Шэнь Чжися почти закончил. На перилах балкона сушился вымытый холст, а на мольберте был закреплен чистый лист бумаги. На палитре он смешал несколько пастельных оттенков — похоже, собирался порисовать после обеда.

— Хочешь попробовать? — он заметил кофе в моих руках, взял чашку и кивнул на палитру. — Это совсем просто, попробуй нарисовать Сиху вдаль.

Я покачал головой и присел на маленький табурет, который он притащил с собой:

— Пожалуй, нет. У меня руки не оттуда растут, только зря твои краски переведу.

Хотя я так сказал, взгляд невольно задержался на бумаге — пустой лист, обращенный к озерному пейзажу за окном, словно ждал, что стоит лишь взять кисть, как вид тут же перенесется на холст.

Он не стал настаивать. Взял кисть, макнул ее в нежно-голубую краску и легко коснулся бумаги. Тихий шорох ворса, смешивающийся с птичьим пением за окном, действовал удивительно успокаивающе. Я попивал кофе, наблюдая, как он шаг за шагом прорисовывает контуры Сиху. Иногда он замирал, задумываясь на мгновение, а затем добавлял новые штрихи — движения были уверенными и сосредоточенными.

— Кстати, — он вдруг поднял голову, не замечая, что испачкал краской палец. — Что хочешь на ужин? Я куплю продуктов и приготовлю. В знак благодарности за то, что позволил здесь жить.

Я опешил, не ожидая, что он еще и готовить умеет:

— Ты и это можешь? Я-то думал, вы, художники, только рисовать и способны.

— Научился, когда жил с бабушкой, — он усмехнулся, на секунду замерев с кистью в руках. — Он всегда говорил: если умеешь рисовать, должен уметь и жить, иначе в картинах не будет земного тепла.

К вечеру он вернулся с пакетами продуктов и букетом мелких маргариток, которые тут же поставил в стеклянную вазу в гостиной. Я прислонился к дверному косяку кухни, наблюдая за ним. На нем был мой фартук — великоватый, он нелепо висел на его фигуре, словно одежда ребенка, который решил примерить вещи взрослых. Он действовал очень умело: мыл, резал, помешивал в сковороде. Вскоре по кухне поплыл аппетитный аромат.

— Не ожидал, что ты так здорово готовишь, — сказал я, попробовав его яичницу с помидорами. Кисло-сладкий вкус был идеальным, куда лучше любой доставки.

Он поставил на стол овощи, вытер пот со лба:

— Это всего лишь обычная домашняя еда. Хорошо, что тебе нравится.

За окном темнело, озеро Сиху погружалось в сумерки. На набережной зажглись фонари, отражаясь в воде, словно россыпь звезд. Мы болтали обо всем: от забавных случаев в Академии искусств до факультативов в Чжэцзянском университете. Иногда возникали паузы, но они ничуть не тяготили. Он рассказывал, как в детстве писал этюды на берегу Сиху вместе с бабушкой, и его глаза светились восторгом; я поведал о том, как однажды на паре по финансам ошибся в расчетах и попал в неловкую ситуацию, — он смеялся так сильно, что едва не подавился рисом.

После ужина он вызвался мыть посуду. Я хотел помочь, но он подтолкнул меня к гостиной:

— Сиди уж, я сам. Иначе буду чувствовать себя так, будто просто пришел пожить на халяву.

Я устроился на диване, наблюдая за тем, как он мечется между кухней и гостиной. Свет лампы падал на него, вытягивая длинную тень. На стене висела подаренная им картина с рассветом, а с балкона доносился шорох развешиваемого белья и тихое напевание — какая-то легкая, жизнерадостная джазовая мелодия.

Закончив с делами, он прошел в гостиную и, увидев, что я разглядываю картину, с улыбкой подошел ближе:

— Что, не нравится?

— Нет, — я покачал головой и посмотрел на него. — Просто мне кажется, что с этой картиной в гостиной стало гораздо светлее.

Он сел рядом, взял пульт от телевизора и включил канал с легкой музыкой:

— Буду рисовать побольше, заполнишь все стены в доме.

Глядя на его серьезное лицо, я вдруг осознал: в моей прежде пустой квартире наконец-то появилось ощущение дома. За окном безмолвно замерло озеро Сиху, в комнате было тепло и уютно, а в воздухе все еще витал аромат ужина и едва уловимый запах красок. Подумалось, что с момента его переезда моя жизнь наверняка наполнится множеством ярких красок, совсем как пейзажи на его полотнах.

Перед сном я получил от него сообщение в Вичате. Это был набросок, сделанный только что: сцена на кухне тем вечером — человек в большом фартуке готовит еду, а другой прислонился к дверному косяку с чашкой в руках. Подпись гласила: «Земное тепло».

Я смотрел на экран телефона и невольно улыбнулся, написав в ответ:

— В следующий раз рисуй мою чашку покрасивее.

Ответ пришел быстро:

— Договорились, в следующий раз нарисую тебя красавчиком, — и следом озорной смайлик.

Я отложил телефон и лег в кровать, вспоминая прошедший день. Уголки губ невольно ползли вверх. Оказывается, иметь соседа, который умеет рисовать и готовить, — это так тепло. Лунный свет пробивался сквозь щель в занавесках, ложась на пол серебристой дорожкой. Я подумал, что если такая жизнь продлится долго, то это будет совсем неплохо.